

Пэй Мяо: «...» — Одним словом — непопозвопительная роскошь! Иного определения он подобрать не мог.

Евнух Фу выстроил трёх маленьких евнухов с кошачьим наполнителем в ряд, почтительно поклонился Пэй Мяо и сказал:

— Господин Наставник, прошу вас сначала испытать эти наполнители на ощупь. Тот, что понравится, оставим, а я распоряжусь доставить его в достаточном количестве.

Пэй Мяо с каменным выражением на мохнатой морде кивнул и, превозмогая стыд, принялся раскапывать три кучки наполнителя.

Будучи несчастным, перенёсшимся в тело кота, Пэй Мяо потратил три дня на осознание превращения, пять — на принятие безвкуснейшей кошачьей еды, десять — на привыкание ходить на четырёх лапах и неисчислиное количество дней — на смирение с тем, что он способен лишь мяукать, но не говорить. Однако психологически, как он считал, ему никогда не смириться с необходимостью ходить в кошачий наполнитель, а после ещё и наблюдать, как за ним убирают.

Весьма унижительно для кошачьего достоинства!

Но кошачьи инстинкты сильны. Как бы он ни противился наполнителю, зов природы заставлял его искать кучку песка, рыть ямку, справлять нужду, обнюхивать результат и закапывать его лапами.

Хотя от подобных действий его буквально передёргивало, и каждый раз после закапывания ему казалось, что на лапах остаётся запах.

Особенно отвратительно.

Его внутреннее «я» сопротивлялось, но лапа сама потянулась к наполнителям.

Первым он коснулся так называемого глиняного наполнителя, добытого, по словам евнуха, с глубины в несколько тысяч метров. Честно говоря, ощущения были неважные — грубовато, твёрдо, а главное, гранулы очень мелкие, легко забиваются между подушечек и липнут к шерсти. Попробовав раз, он не захотел повторять.

Пэй Мяо с отвращением отряхнул лапу. Евнух с глиняным наполнителем тут же склонился и отошёл в сторону.

Вторым шёл наполнитель из тофу. Его гранулы были крупнее предыдущих, в виде маленьких цилиндриков нежно-кремового цвета, с гладкой поверхностью. Когда лапа погружалась в него, ощущения были приятными, подушечки не страдали, а при перекапывании раздавался шуршащий звук сталкивающихся песчинок — весьма неплохо.

Последним испытывался роскошный хрустальный наполнитель. При касании он дарил прохладу и лёгкую влажность, словно гладкий нефрит. Летом копать в таком было бы сплошным наслаждением, а вот зимой... хм, не лучшая идея.

Этот наполнитель, как и говорил евнух Фу, был совершенно лишён пыли, что избавляло от чихания, и выглядел прекрасно — каждый кристалл прозрачен, отполирован и миловиден.

Однако на ощупь он был жёстковат, словно массажный коврик для акупунктуры, да и

использовать хрусталь для закапывания... это было уже чересчур расточительно!

— Хозяин, какой из трёх наполнителей пришёлся вам по душе? — Ванцай, преклонив колено перед Пэй Мяо, выжимал тёплую воду из полотенца и с величайшей осторожностью вытирал ему подушечки лап, боясь, как бы малейшая соринка не осквернила нефритовые лапки Господина Наставника.

Пэй Мяо сохранял глубокомысленный вид. Его сапфировые овальные глаза поочерёдно скользнули по трём кучкам. Глиняный — колется, вычёркиваем! Хрустальный — слишком роскошен, вычёркиваем! Остаётся лишь наполнитель из тофу.

Он ткнул лапой в наполнитель из тофу, давая понять свой выбор. Евнух Фу тотчас с сияющей улыбкой подошёл и поклонился:

— Коль скоро Господин Наставник изволил выбрать сей наполнитель, сей же час доложу императору. Кстати, у меня ещё есть одна вещица, которую государь велел передать вам лично.

«?» — Пэй Мяо присел, насторожив уши, а его пышный, пушистый хвост принялся размашисто вилять. Этот любопытный вид растрогал всех служанок и евнухов до слёз.

Евнух Фу, вытирая носовой платок, дрожащими руками извлёк из рукава парчовую шкатулку. Открыв её, он показал жемчужину ночного сияния размером с мячик для пинг-понга:

— Взгляните, Господин Наставник. Это жемчужина, поднесённая в дар государством Цзяо. Безупречно круглая, прозрачная, без изъяна — поистине одна на десять тысяч. Всего государство Цзяо преподнесло три таких жемчужины. Государь пожаловал две — второму и третьему принцам, а сию, самую драгоценную, велел доставить вам.

Сказав это, евнух Фу положил жемчужину на кушетку. Белоснежная, сияющая жемчужина в лучах солнца напоминала мягкий рисовый шарик, невероятно милый и прекрасный. Пэй Мяо не удержался и тронул её лапкой — округлый шарик тут же покатился.

Кошки от природы интересуются движущимися мелочами. Не успев даже подумать, Пэй Мяо уже рванулся вперёд, преследуя катящуюся жемчужину. То и дело он подталкивал её лапой, заставляя катиться по прямой, затем перепрыгивал вперёд и ловил, играя с безудержным азартом.

Евнух Фу, наблюдавший за этой забавой, улыбался так, что глаз не было видно:

— Государь поистине прозорлив! Господин Наставник явно полюбил сию жемчужину. Мне надобно поскорее вернуться и обрадовать его старейшину вестью. Ванцай, после моего ухода служи в Чертоге Юннин со всем тщанием, ни малейшей оплошности не допусти, понял?

— Понял, — отозвался Ванцай, проводил евнуха Фу, но, вернувшись, не обнаружил Пэй Мяо на кушетке. Сердце его ёкнуло, и по спине тут же проступил холодный пот.

В Чертоге Юннин служило множество людей, однако в личном дворике Господина Наставника, где тот проводил дни, находились лишь он да Лянь Цяо. Остальные несли службу за пределами дворика, и даже Смотритель хроник, ведущий записи, мог лицезреть Господина Наставника лишь в определённые часы. Таков был издревле заведённый порядок для всех Наставников: прислуживающих непосредственно не более трёх, дабы не нарушать их покой.

Преимущество малой численности было очевидным: простые отношения, согласие в коллективе, да и ярким поклонникам негде было замешаться, чтобы ворваться во дворик и потревожить Господина Наставника. Но был и недостаток, как, например, сейчас.

Молясь, что Господина Наставника унесла Лянь Цяо, Ванцай быстрым шагом направился к спальным покоям и у самого входа столкнулся с выходящей оттуда Лянь Цяо с мотками шёлковых ниток в руках.

— Лянь Цяо, где хозяин? Ты его взяла?

— Разве он не на кушетке, играет с жемчужиной? — Лянь Цяо смотрела в полном недоумении, но, увидев мертвенную бледность Ванцай и капли пота на лбу, встревожилась:

— Хозяина нет на кушетке, потому я и спрашиваю, не у тебя ли он.

— Не может быть! Я же только что видела его на кушетке! — Лянь Цяо запаниковала, бросила нитки и пустилась бегом в садик. Ванцай помчался следом.

Место, где стояла кушетка, находилось в нескольких шагах от входа в покои. Подбежав, Лянь Цяо увидела, что кушетка пуста, а садик застыл в мёртвой тишине.

— Как же так? — Лянь Цяо рухнула на землю, лицо её потеряло всякий цвет. Подоспевший Ванцай, уже готовый было высказать упрёк, сдержался, помог ей подняться и сказал:

— Давай сначала обыщем дворик. Вдруг хозяин притаился где-нибудь в цветах.

Сам он в свои слова не верил. Лянь Цяо сидела на земле, словно потерянная, слёзы наворачивались на глаза:

— Евнух Ван, я всего-то отошла за нитками... Как мог хозяин пропасть?

— Эх, ты... — Ванцай, раздражённый и встревоженный, указал на неё. — Сейчас не время реветь! Быстрее ищи со мной. Это наша оплошность, и нам надлежит предстать перед императором для наказания. Если же с хозяином что приключится, нам и десяти тысячами смертей не искупить вины!

От одной мысли, что Господин Наставник, такой маленький и беззащитный, может пострадать по чьей-то глупости, Ванцаю хотелось умереть на месте.

Не обращая внимания на рыдающую Лянь Цяо, он быстро собрал всех слуг Чертога Юннин и велел обыскать каждый уголок.

Во Дворце Чэнцзянь служанка Яо Би вставляла в причёску императрицы золотую шпильку в виде феникса. Шпилька была изысканной работы, величественной и роскошной; в клюве феникса сверкал рубин, от которого ниспадала россыпь подвесок, излучая благородное сияние.

— Ваше Величество, эта шпилька, пожалованная императором, и впрямь прекрасна. Она целиком выявляет вашу стать. Сегодня вечером, когда государь пожалует, он непременно будет очарован.

— Малая болтушка, — с улыбкой пожурив её императрица, поправила шпильку у виска, и уголки её губ приподнялись.

В зеркале отражалась красавица: миндалевидные очи, персиковые щёки, кожа белее снега,

стань гибкая и изящная. Взгляд её таил бездну очарования, движения же были исполнены достоинства и утончённости.

Красива была она, но ещё прекраснее — её внутренний свет.

<http://bllate.org/book/16288/1467702>